Шабуров Александр

16.06.2001

Лежебока в нирване

«Русские будды» — выставка почвенника Александра Шабурова

В Галерее Марата Гельмана художник Александр Шабуров отчитался о поездке в Непал снимками самого себя и сотни своих друзей, лежащих на улице. Художник лежал на непальской земле, его друзья — там, где стояли, когда художник предложил им лечь.

Известия - 2001. -

Ольга КАБАНОВА

16 июня - с. 11.

Художник Шабуров лежит на родине Будды

Художника Александра Шабурова московские арткритики обласкали так же, как театральные — актера и драматурга Евгения Гришковца. Два провинциала подкупили столичных неведомой им кроткой незлобивостью в восприятии жизни и непоказным смирением перед этой жизнью. Той, какая уж она сложилась у маленького человека возрастом вокруг тридцати, проживающего в наших широтах и в наше время. Если Гришковец вышел в театральные люди с по-сэлинджеровски невыносимо пронзительным монологом про школу и армию «Как я съел собаку», то Шабуров засветился на московской артсцене жалостливой историей, как он на соросовские деньги вставил себе зубы, доказав, что это и есть художественный проект.

Не стоит судить о художественном произведении по пересказу, если бы вы прочли обоснования художественной акции по протезированию, то, почти уверена, посчитали бы Шабурова художником.

Вообще, Шабуров берет от жизни в искусство все, чем она его не щедро дарит. Факт своего проживания в шахтерском городке Березовске сделал его березовским концептуалистом. Главное, сообразил Шабуров, чтобы на афише было крупно написано: «Березовский концептуалист» — и зритель заинтригован, несмотря на рядом стоящую мелкую надпись: «Александр Шабуров».

Вот в таком естественном и одновременно стратегическом умалении себя и кроется обаяние художника-почвенника, коим Шабуров себя справедливо считает. В конце концов ведь не важно, рисуешь ли ты березки или играешь с буковками, составляющими это слово, главное, что родине верен (а Шабуров всегда любит место, где живет, и не считает, что счастье вдали) и работаешь с душой, по-русски. Успех, конечно, зависит и от направления в искусстве: у концептуалиста — один зритель, у пейзажиста — все остальные, но, по большому счету, успех обеспечивает личность художника, его искренность, мастерство в решении поставленных самим перед собой задач, а также созвучности времени.

В отличие от Гришковца, работающего мало и всегда качественно, Шабуров делает много и разного. Вот его страничка на сайте у Гельмана, на мой взгляд, суетлива и необязательна, есть в ней даже какая-то губительная для Шабурова претенциозность — попытка вписаться в интернетовские правила: шутки там всякие есть, анекдоты про Путина. Зато проект «Русские будды» удачен.

К фотографиям лежащего на родине Будды расслабленного Шабурова и подыгравших ему друзей, среди которых есть известные художники, кураторы и критики, предпослано длинное объяснение, написанное автором (не только проекта, но двух книг и серий статей в екатеринбургских газетах) простым и искренним литературным слогом, без излюбленных московскими концептуалистами новейших терминологических заумей. Правда, с лишним конъюнктурным поминанием о талибах-разрушителях... Но кажется, что в этом обстоятельном пояснении сути и истории проекта нет главного признания. Столкнувшись с непальскими горными и духовными вершинами, Шабуров просто не мог перед ними устоять. И лег он вовсе не в иконографическую буддистскую позу, а по-нашему, по-обломовски — вытянувшись и сладко прищурившись, на земле, как на диване. Предпочел, как и всякий наш человек, лежачее положение, в котором не ударят.

Отечественные критики и кураторы, работающие в современном искусстве, беспрестанно оглядываясь на Запад, любят поощрять разного рода художественные провокации, агрессию, шокирующие зрителя приемы. Но на нашей почве, в нашем социуме такое искусство приживается плохо и, честно говоря, беспрестанно коробит. А вот незатейливая лирика, простодушные придумки и нехитрые игры с жизнью нравятся. Если западные художники проблему культурной идентичности решают серьезно, то мы — пародийно. Фотографирование лежачих или строительство пирамид из сена нашим зрителям ближе, чем рубка икон или фотосъемка в морге. Потому что умение жить с придурью — действительно полезное, веками выпестованное, русское национальное качество. И правильно, что чуткие художники его воспевают.

118